

И. А. ЛОБАКОВА

К проблеме «памяти жанра» древнерусских хождений (Записки о паломничестве в Святую землю купца Анисима Симоченкова)

Во второй половине XIX в. странствие по Святым местам стало фактом жизни многих православных в России. Поездка в «небесный град Иерусалим» оказалась возможной для людей различных социальных слоев, культурных традиций и персональных устремлений. Для подавляющего большинства из них такое паломничество становилось личностным освоением хорошо знакомых и прославленных в христианском мире святынь, описанных в хождениях, проскинитариях и путеводителях по Святой земле, которые широко издавались на протяжении XVIII—XIX вв. Кем бы ни был паломник, он словно шел вслед за игуменом Даниилом, Трифоном Коробейниковым или Василием Гагарой. Частные описания Святой земли XIX—нач. XX в. принадлежат перу самых разных людей: паломничество туда совершили А. Н. Муравьев, П. А. Вяземский, Н. В. Гоголь, И. А. Бунин и оставили об этом воспоминания. Среди авторов описаний таких паломничеств можно назвать и людей, для которых литературный труд был делом непривычным.¹ Разумеется, Николай Шмелев или Иван Бунин осознавали литературную основу описания своих странствий. Возможна ли ориентация на повествовательную модель древнерусских хождений² в записках рядовых паломников?

¹ Мне удалось обнаружить небольшую (62 с.) рукопись (РНБ, собр. Титова, № 1303), в которой священник села Лесенева отец Коидрат описал со слов своей прихожанки, дворянской девицы Анны Алексеевны, побывавшей в Святой земле в 1819 г. вместе с компаньонкой вдовой Прасковьей Степановной, ее паломничество. Наиболее подробно расписана Страстная неделя. Не слишком интересный с литературной точки зрения текст важен, во-первых, потому, что паломничества в то время чрезвычайно редки; во-вторых, паломницами были две женщины; в-третьих, в тексте иногда попадаются удивительно поэтичные, обнаруживающие связи с фольклорной традицией фрагменты. Анна Алексеевна вспоминает, что стояла она на том самом месте крестного пути Христа у колодца, «где Божия мать стояла и говорила: „Что ты, вода, шумишь, что про сына моего говорят?“ Не смогла вода ответить. И так в кладезь вода изъезла и доньне нѣт» (с. 28—29). Пользуюсь случаем поблагодарить И. В. Федорову, которая обнаружила труднодоступное издание этого текста, выполненное А. А. Титовым, и сообщила мне о нем.

² Библиография работ, посвященных хождениям, чрезвычайно обширна. Наибольшее внимание было уделено самому раннему — Хождению игумена Даниила. См.: *Творогов О. В. Даниил // Словарь книжников*. Вып. 1. С. 111—112. Значительно расширен список исследований в работе М. Гардзанини (*Гардзанини М. У истоков паломнической литературы Древней Руси: «Хождение» игумена Даниила в Святую землю // Хождение игумена Даниила в Святую землю в начале XII в.* СПб., 2007. С. 329—338). В настоящее время тема русских средневековых паломничеств основательно разрабатывается И. В. Федоровой.

В этом отношении интерес представляет недавно обнаруженная мною рукопись из собрания РНБ (собр. Тиханова, № 827),³ в которой автором — жиздринским купцом Анисимом Симоченковым — описывается его паломничество в Иерусалим. Рукопись 60-х гг. XIX в. в матерчатом темно-синем с зелеными и золотистыми крапинками переплете сохранила подклеенный к 1-му листу указ-бланк: «По указу его Величества государя Императора Александра Николаевича, самодержца Всероссийского и пр., и пр. объявляется чрез сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель сего жиздринский мещанин Анисим Симоченков отправляется в Иерусалим для поклонения святым местам, сроком по двадцать девятое мая 1858-го года. Того ради все высокие области приглашаются по состоянию чина и достоинства, кому сие предъявится, нашим же воинским и гражданским управителям поставляется в обязанность Симоченкова как ныне из России идущаго, так и потом в Россию возвращающагося не токмо свободно и без задержания везде пропускать, но и всякое благоволение и вспоможение оказывать. Во свидетельство того и для свободного проезда дан сей паспорт от Одесскаго градоначальника с приложением Его Императорскаго Величества печати. В Одессе, августа тридцать перваго дня 1857 года». В этом паспорте проставлен номер — 1142/2148 и указаны приметы его владельца: «лета — 34; рост — 2 ар.7 1/2 в. (т. е. 1 м 75 см); волосы — темно-русые; глаза — желтые; лице — чистое; лоб — ; брови — темно-русые; нос, рот — посредств.; подбородок — ; особья приметы — ». На обороте указа-бланка читаем: «№ 485 явлен и записан в Российско/м/ Императорском генеральном консульстве для следования обратно в Одессу. Моровая язва не оказывается. Константинополь, 30 мая 1858 г. Генеральный консул Н. Черняев».

Нумерация в рукописи выдержана в традициях деловой письменности своего времени (л. 1—«1», л. 1 об.—«2» и т. д.). Почерк Анисима Симоченкова свидетельствует о слабом знакомстве с навыками каллиграфии; есть многочисленные отступления от правил грамматики: в рукописи вовсе нет буквы «ять»; почти все союзы и предлоги с существительными и местоимениями написаны слитно («всотоварищи», «ноктомуже», «ипоблагословению», «исним» и т. п.). На полях рукописи мелким почерком автор вписывал названия смысловых фрагментов: «желание», «о прощении начальства», «о присовокуплении товарищей», «о приготовлении ко св. причащению», «читал Апостол» и др. Безусловно, подобные записи отражают не композицию описания путешествия Анисима Симоченкова, а, скорее, фиксируют движение его мысли.

Автор повествования, как явствует из его рукописи, родился и жил в городе Жиздра Калужской губернии, в 130 верстах от Калуги. Согласно сведениям, содержащимся в энциклопедии Брокгауза и Эфрона, в городе было около 11 000 жителей. Жиздра стала называться городом с 1777 г. Там находились знаменитые Мальцевские заводы. Таким образом, создатель рукописи является представителем многочисленного провинциального мелкого купечества, и в его рассказе проявились не только его личные вкусы, пристрастия, характер,

³ Текст паломничества цитируется по данной рукописи; грамматические исправления касаются лишь разделения слов (написание существительных и прилагательных с предлогами и союзами дано в соответствии с правилами правописания) и знаков препинания. В научный оборот записки Симоченкова были введены: *Лобакowa И. А.* Паломничество 1857 г. в Святую землю в судьбе купца Анисима Симоченкова // *Православный Палестинский сборник.* М., 2005. Вып. 102. С. 94—104.

но и нашел отражение уровень образованности, духовных запросов и интересов людей его круга.

Знаменательно, что в описании паломничества жиздринского купца обнаруживается опора на традиции древнерусских памятников в жанре «хождений». Каждый эпизод подготовки к путешествию, каждая остановка в стране, набор цитат из Священного Писания, сведения о результатах обмеров ряда святынь или долготы пути до них вызывает ассоциации с описаниями Святой земли известными авторами древнерусских хождений.⁴ Речь идет не о текстовых заимствованиях, а об организации повествования. События Священной истории глубоко переживаются Анисимом Симоченковым, но, становясь лично пережитыми, излагаются со строгой опорой на традиционную модель, сохраняя неизменным композиционное построение, пласт библейских цитат и перечень увиденного.

Марчелло Гардзанити среди особенностей организации повествования в хождении игумена Даниила отметил, что «вдобавок к общему описанию пути неизменно указываются расстояния <...>. С каждой остановкой связаны указание или описание ее места, более или менее подробное, в зависимости от его важности, непременно включающее в себя упоминание о случившихся там знамениях и находящихся реликвиях или святынях. Игумен указывает точные размеры памятников и даже реликвий в сажнях, локтях и ладонях».⁵ При этом исследователем подчеркивается, что «Даниила в святых местах привлекает не столько их наглядная, сколько знаковая сущность, т. е. возможность вспомнить в связи с ними персонаж или событие священной истории <...>. Это — целый мир, наполненный деяниями патриархов и монахов, пророков и апостолов, в центре которого неизменно находится Христос, Его смерть и воскресение».⁶ Исследователь отметил еще одну важную особенность хождения русского игумена: «Перечисляемые игуменом места являются не простым перечнем предметов, открывающихся взору паломника, но *изложением программы* (курсив мой. — *И. Л.*) посещения города, которая и начинается именно с церкви Воскресения».⁷ Все последующие памятники в жанре хождений создавались с опорой на описание того, самого первого, паломничества в Святую землю, совершенного Даниилом. Паломничество жиздринского купца Анисима Симоченкова является своего рода подтверждением наблюдения А. Н. Веселовского об особой связи всех последующих хождений с первым паломничеством игумена Даниила: «Из одного воспоминания вырастет вереница воспоминаний, которыми вдохновится, которые повторит автор более позднего хождения».⁸

Рассказ о своем путешествии по святым местам Анисим Симоченков, подобно древнерусским паломникам, открывает библейской цитатой: «Имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к тебе, Боже»

⁴ Подробный анализ древнерусских хождений, сюжетобразующей функции библейских цитат и художественной организации памятников этого жанра см.: *Гардзанити М.* У истоков паломнической литературы Древней Руси: «Хождение» игумена Даниила в Святую землю... С. 270—328.

⁵ Там же. С. 287.

⁶ Там же. С. 289.

⁷ Там же. С. 304.

⁸ *Веселовский А. Н.* К вопросу об образовании местных легенд в Палестине // ЖМНП. 1885. Т. 5. С. 173.

(Пс. 41 : 2), выделенное красными чернилами, словно киноварью.⁹ Изложение жидринского жителя неторопливо и обстоятельно: «Давно было желанием посетить мне Святыя места и поклониться живоносному гробу искупителя нашего Иисуса Христа и гробу пречистой его матери нашей владычицы деве Марии и протчим святым местом, но к тому были разныя недозволительныя причины. 1-ая — по занятию моей торговой промышленности, а иногда — по возложенной на меня общественной какой-либо должности. Наконец усмотрел к тому свободное время, решился просить начальство о дозволении следовать за границу <...>. Потом присовокупились ко мне в сотоварищи из купеческих детей Федор В. Смирнов и Василей Н. Маркасов» (с. 1).

Анисим Симоченков, подобно древнерусским авторам, ищет в Священном Писании параллели к собственным жизненным ситуациям.¹⁰ Так, рассказывая о своем причастии перед дорогой в Святую землю, он вспоминает, как 2 августа «на литургии я на средину выходил и по благословию священнослужителя (имя протоиерея Иоанна Олерева приводится автором ранее. — *И. Л.*) читал Апостол из Деяний глава 7. И во Апостоле некоторые слова были для меня восхитительными и близки к моему отшествию так, как будто я ожидал тот день. Слова такие: „Изыди от земли твоя, и от рода твоего, и от дому отца твоего, и прииди в землю, юже аще ти покажу“. Вот слова, которые были говорены Богом Аврааму и несколько исполнились на мне» (с. 2).

В повествовании об обстоятельствах паломничества Анисима Симоченкова обнаруживается прежде всего влияние разговорной — устной — стихии, а также сочетание канцелярско-делового и эмоционального стилей, что часто отмечается как характерная особенность посадских авторов XVII в., которая была продолжена представителями «низовой» литературы в XVIII—XIX вв. Купец пытался найти наиболее точные слова для описания самых разных своих переживаний. В начале путешествия паломники на Преображение въезжают в Стародуб: «Этот день я был во утешении, свободным от суеты мирской: прежднии 12-ть лет я каждый год бывал на ярмонки для покупки товаров, и много-много я грешил в таковой праздник, а ныне благодарю Господа Бога моего — по случаю путешествия избег той сети, хотя не в храме, а в дороге воспевал стихире праздничную» (с. 8). Прибыв в Киев, Анисим размышляет об уже близком собственном далеком странствии и вспоминает как о некоем знамении о внезапной встрече с местом, где обрел покой другой — великий — странник: в Богоявленском монастыре «я <...> ходил около храма и любовался насажденными деревьями <...> и в конце соборнаго олтаря заметил в стене надпись и против — камень, который покрывает знаменитаго путешественника Василья Барскаго, который странствовал в 3-х частях света 24 года. И во время своего путешествия много он претерпел нужд и скорбей. И я поклонился его праху...» (с. 12). Покидая Одессу, автор пишет: «И быстро начал удаляться вместе с нами наш пароход, и будто бы Одесса убегала от нас <...>. Я с большой жадностью смотрел на

⁹ Все цитаты из Священного Писания, как правило, в тексте рукописи написаны красными чернилами.

¹⁰ О библейских, апокрифических и гимнографических цитатах в хождении игумена Даниила см.: *Гардзанини М.* «Хождение» игумена Даниила в Святую землю: Литература и богословие на Руси в XII веке // *Славяноведение.* 1995. № 2. С. 30—31. Ему же принадлежит обобщающая работа о библейских цитатах, см.: *Гардзанини М.* Библейские цитаты в литературе Slavia orthodoxa // *ТОДРЛ.* СПб., 2007. Т. 58. С. 28—41.

удаляющиеся от нас храмы, и Одессу, и на родимый край благословенной России, которая быстро от нас удалялась. Я не переставал смотреть и мысленно говорил и прощался: „Прости, мать Россия! Прости, Богом благословенная! Прости, Отечество. А может быть я с тобою прощаюсь в последний раз“» (с. 17). Черное море, увиденное нашим героем впервые, произвело на него сильное впечатление, а налетевшая буря была описана так: «Ветер пронзительным свистом проходил чрез конатные снасти. Свирепующие волны в ночидалече были видны, катящиеся по морю серебристым валом. Они достигали нас и частию не раз въскакивали к нам на пароход чистым пенистым брызгом <...> день весь проводил в беспокойствии, несколько устал и близ борта я садился. И предался размысленным думам, и блуждал онами по разным предметам. А более всего — о достижении Святой земли...» (с. 19—20). Чувствуя красоту открывшегося перед ним мира, автор пытался найти слова, способные передать его восхищение. Очевидно, Анисиму не всегда это удавалось (его описания многословны и лишены словесной точности), но изредка, уходя от литературных штампов, он оказывался способен остро подметить неповторимость мимолетного впечатления.

Паломничество Анисима Симоченкова было долгим: он посетил Стамбул, который последовательно именуется Константинополем, греческие острова Лемнос, Родос, где «была статуя колосс Солнцев, как утверждает Плиний», Яффу, Бейрут, Дамаск, Иерусалим, Вифлеем, Назарет, Раифу, Синай. Записи его очень подробны и по-купечески обстоятельны.

Большая часть их посвящена самим местам посещения. Анисим стремился увидеть как можно больше. Так, в Константинополе паломников не пустили в собор Св. Софии, для посещения которого было необходимо получить специальный фирман в Арсенальном зале дворца султана. Анисим Симоченков с купцом Христофором Николаевым, не убоившись хлопот, добились разрешения и смогли попасть в главный храм древней Византии: «Я перекрестился, взглянул и удивился. Боже мой! Какая рука созидала таковой величественный храм? Ни что иное как премудрость Божия! Стены из мрамора и усыпаны драгой мозаикой, величественный кунпол внутри горит золотом, стороны — правая и левая — двухэтажная! Поддерживаются огромными мраморными столбами <...>. Жалко и сострадательно было смотреть на величественный и опустошенный храм, в котором послы Владимира, внимая божественной литургии, слушали ангелов, поющих тресвятую песнь!» (с. 45—46).

С огромным волнением ожидал Симоченков встречи с «небесным градом Иерусалимом». На полях рукописи этот большой смысловой фрагмент назван «Первый взгляд издали на Иерусалим». В основном тексте встречу с городом он описывает так: «Я совершенно почти не отводил глаз с предменя, где увидеть Иерусалим. Благоговение возрастало с каждою секундою. Вдруг вдали узрели мои очи св. град Иерусалим. Я сошел с осяти, поклонился и благодарил Бога, что удостоился хотя наружными очами видеть св. град Иерусалим. Сердце — и чувства не выразить — как тогда радовалось! Мы спешили приближаться. Потом я сказал всем русским: „Кто может петь, пойте тропарь «Благодарны сущи раби твои, Господи, от твоих великих благодеяний, на нас бывших, славящих тя»“. И потом пели „Тебе, Бога, хвалим, тебе, Господи, исповедуем“. Русских было до 60-ти человек, большая часть пели. Редкой тогда не выпустил слез из очей. Подъезжая, смотрели на град, как на драгоценное сокровище. Чего долго желали наши сердца, то увидели наши очи» (с. 88). Это

эмоциональное описание своих переживаний и поступков Анисим завершает «канцелярской» припиской по нижнему полю страницы: «Въехали Яфскими воротами и в Патриарший монастырь, что было 1857-го года, октября 9-го числа, в 2 часа по полудни, в среду». В Иерусалиме во время службы в патриаршем храме Анисим Симоченков восклицает: «...на кафедре, которая донныне существует от времен великого светильника Иоанна Златоуста, с которой златоглаголивами устами гремело слово Божие, и звук тех учений услышали по всей Вселенной. Но и ныне я, грешный, с той кафедры удостоился слышать от патриарха, который читал всем во услышание во время литургии Символ веры и молитву Господню „Отче наш...“» (с. 37). Очень подробно в записках жиздринского купца представлено описание Преображенской церкви Синайского монастыря и его икон: «...устроенная из дикаго тесанаго большого камня, верх ея не кунполомъ. Покрыта оловомъ. В храмъ нужно спускаться вниз 8-ю ступенями, а от северной страны — ход прямо <...> взойдешъ в храм большими дверями — как будто взошел в рай. Мост в храме мраморный разного цвету, украшен разнovidными узорами удивительными. Ширина разделяется на три части; два ряда столбов — по правую сторону 7 штук, по левую — 7 штук, мраморныя. На них 12-ть поставлены иконы со святыми каждого месяца, а в столбах внутри — означено крестами — закладены части в сего месяца св. мощи. Около столбов устроены формы — места для стояния иноков. Высота столбов в три сажени, которыя поддърживаютъ верх храма. Иконостас вышлщенный, удивительной работы иконы! Нижний ярус — удивительнаго писания иконы большия в рост человека. Спаситель, сидящий на престоле в одеянии архиерейском, окрест его 4 евангелиста. От северной стороне — Богоматерь, сидящая на престоле как царица. Около ея 4 пророка. Рядом с иконой Христовой — образ великомученицы Екатерины в одеянии царском, в руке держит страдалческое свое колесо <...>. Царския врата niskие, в рост человека <...>. Пред иконами поставлены большия медныя подсвещники на медныхъ лвах. Потолок раскрашен зеленою краскою и золотыми звездами, солнце, месяц <...>. Алтарь — верх полукунполом, в полукунполе изображено мозаикою Преображение Господне, кругом — 12 апостолов и много пророков. Работы удивительной! Стены обложены беловидным мрамором, блещет как зеркало...» (с. 211—214). Живой восторг жиздринского жителя при описании Синайского монастыря легко объясним: в Преображенском соборе сохранились древнейшие иконы высочайшего художественного уровня.

С горестью рассказано о прощании со святынями Синайского монастыря, столь любовно описанного в воспоминаниях Анисимом Симоченковым: «Пошел в церковь Неопалимыя купины, прикладовался и благодарил Господа Бога и Царицу небесную в последний раз. Я не мог удовлетворить себя зрением той святыни, ибо на сердце моем лежала скука о разлучении великой святыни. А духом утешался, что Господь удостоил мня, грешнаго, видеть и поклониться святым местам» (с. 206).

Достаточно кратко говорится о службах, на которых присутствовал Анисим. Он либо сообщает о том, что он с другими паломниками подпевал хору, либо отмечает отличия от русской православной традиции: «...греки православной веры в храме тогда стояли в красных шапках» (с. 29); или «греки пели многожды „Кириелсейсонъ“, т. е. „Господи помилуй“ <...> певчие из греков пели на кривоше на два человека гугнивыми голосами» (с. 32).

Обустройство церковной жизни в Святой земле не могло не привлечь внимания жиздринского купца: «...к нам много вышли навстречу греческия монахи и повели нас в залу для русских особенную, которая состояла из одной большой комнаты. Во углу стояла икона — образ Спасителя, мебели совершенно никакой не было: на полу вдоль стен были разосланы ковры, к стенам положены сидцевья продолговатая подушки. Посреди залы на полу стоял монгал с горящими углями, испущаемым приятным запахом. Это убрание было восточное, и мы должны садиться по-восточному, поджима ноги. Нет, русский не приучил себя к тому — для его способней ноги протянуть, впротчем, кто как хотел» (с. 89).

Встречаются в рукописи результаты «обмеров» увиденных святынь и описания последования служб для паломников: «На пути к Вифлеему нас мочил дождь порядочно <...>. На вечерни митрополит читал три икоса Акафиста Богородицы: служба была суббота 5-й недели поста. Последнии икосы читали священники арабския. По прочтении икосов ходили в пещеру Рождества для каждения. Пещера, где родился Спаситель мира: длина ея 17 шагов, ширина — 5; ясли, в которых возлеже Господь, в длину 1 и $\frac{1}{4}$ аршина, ширина — $\frac{3}{4}$, высота 2 четв. Высота пещеры немного более трех аршин...» (с. 325).

В рассказе о паломничестве Анисима Симоченкова встречаются воспоминания о поразивших его явлениях и событиях. Так, в частности, он повествует о поведении в храме Воскресения Господня в праздник Пасхи православных арабов: «Арабы, как пред ожиданием благодатного огня, такоже и пред временем Воскресения Христова толпами артелей, взявши руку за руку и с криком производили в храме не благочиния, а всякое бесчинье: кривлялись наподобие плясок, за что турецкая полиция разгоняла их со ударением плетми. Но оне будто бы етим веселием восхваляли Бога и в чаянии радования о воскресшем Спасителе» (с. 335—336).

Традиционно подробны описания дорог, ведущих к святыням. Так, например, автор вспоминал об увиденном им пути на Голгофу: «...галереєю налево восходили по мраморной лестницы ступенями на святую Голгофу и по сколскому испещренному гранитному помосту приближались к святейшему месту, где был водружен крест. Здесь каждый православный сознает свое окаянство и свое преступление пред Владыкою мира» (с. 102). Дорога на Синай заняла 3 дня, она была очень тяжелой для путешественников: «11-ое и 12-ое число. Ехали между высоких каменных Аравийских гор. Нигде не видали ни города, ни деревни, ни двора. И в одном месте в стороне видели арабския шатры из черных козьих шкур. В некоторых местах опасной дороги — высоких крутых восходов и сходов — мы слазили с верблюдов, шли пешком. Верст за 7-мь к монастырю между горами шло ровное место. И, хотя редко перелетовали птицы, как-будто предвещали: „Скоро будет монастырь“. Я с переводчиком товарищей оставили сзади, шли пешком вперед, в чаении скорее достигнуть и видеть монастырь. Верстах в 3-х увидел я монастырския кипарисы и самой монастырь. Какая тогда была во мне радость!» (с. 178).

Привлекали внимание нашего автора не только святыни, но и люди. Интересны портретные зарисовки, сделанные на страницах рукописи Симоченковым: «По виду лица патриарх Иерусалимский (Кирилл. — *И. Л.*) лет около 80, росту среднего, бороду имеет длинну, окладистую; волосы белыя. Когда мы были прощасмы, тогда он сидел на диване по-восточному, в черной шелковой ярсе. На главе — камилавка. На востоке патриархи не отличаются камилавка-

ми даже от иеромонахов» (с. 37). Запомнился Иоасафу, игумену монастыря Саввы Освященного. Уже при встрече он поразил русского паломника: «Я удивился, какая была на нем старого темно-желтого сукна короткая ряса с разодраными рукавами, и в старых башмаках...» (с. 249). Уезжая из обители, Анисим вновь обращается мыслями к ее игумену: «Начальник в монастыре архимандрит Иоасаф, удивительной человек. На монастырской работе он всегда бывает первым и последним. Братия на работе не всегда с ним бывают, но выговору никогда не делает. Келья его — хуже всех из братии: одна малая каютка; одежда тоже хуже протчих, вещей не имеет никаких» (с. 261).

Трапезы, на которых присутствовал жиздринский паломник, описаны им в соответствии с традициями хождений XVII в., достаточно подробно: слишком сильно набор подаваемых в местах паломничества блюд отличался от привычного. По прибытии на патриарший двор в Константинополе паломники были приняты патриархом Кириллом Иерусалимским: «...монах на подносе подносил нам варенье, которое запивали свежую водою, потом подносили по чашке кофе» (с. 36). В Иерусалиме на первой трапезе «подавали сначала сыр, после — рисовый суп, после кашу и подносили по чашке вина лозного» (с. 93). На другой «подавали ретьку, маленькую, сочную и сладкую, кашу, да горсть инжиру» (с. 150). После долгой дороги путники достигли церкви Иоанна Дамаскина: «...на северной стороне устроен притвор, вроде церкви, расписан искусною живописью и иконами. Здесь игумен с братиею содятся по местам, и нас пригласили <...>. Дали по рюмке ракии, по малому пшеничному хлебцу, по пирожку с начинкой, а иногда — по горсти инжира, потом — чашке кофе, иногда дают жидкого меду или по части халвы¹¹ — т. е. из ядер орехов с медом» (с. 250). Сами традиции устройства трапезы в Святой земле отличались от привычных: «Сиделись за трапезу по прочтении молитвы <...>. Игумен в руки взял оловянную чашечку с вином <...> выпил и нам приказал <...>. Кушали предложенное: белый хлеб, селди, бобы, свежая рыба, каша из рису. Потом подносили мед, зделанный из фиников. Пред каждым была тарелка оловянная, и вилка и ложка [о]ловянная, и салфетка. Приготовленное кушанье ставят на стол все, что есть, а не так, как у нас, в России: одно покушали — подают другое» (с. 182—183). О прощальной трапезе в Синайском монастыре в воспоминаниях Симоченкова читаем: «На трапезе было утешение великое: было поставлена на столе в блюде каша из сорочинского пшена, селди, рыба жареная, салат, бобы, пшеничные оладьи с медом, вино красное лучшее, рака, мед, свежий виноград» (с. 207).

В «хождении» Анисима Симоченкова вспоминаются чудеса, произошедшие когда-то в тех местах, которые он посетил, что достаточно традиционно для памятников этого жанра. Особое место в рассказе жиздринского паломника занимает повествование о чудесах, свидетелем которых становился он сам. Так, в Синайском монастыре, куда прибыли 32 человека, «хлеба было мало, редко бывает такое число посетителей. Игумен несколько скорбел, чем прокормить народ: посылать в Египет, то получить хлеб можно не ближе 25 дней. На другой день, как мы прибыли, к монастырю подошли 5 верблюдов, навьюченные пшеницею. Игумен рад был, думал, что прислана из Египта. Арабы объяснили и просили прощения: назад 5 лет из Египта была послана пшеница в мо-

¹¹ В ркп. — «алвы».

настырь на 5-ти верблюдах. В той стороне тогда был голод, то арабы вздумали воспользоваться тем хлебом, так и зделали. Етот год был хороший урожай пшеницы. Оне, арабы, вздумали возвратить в монастырь пшеницу, которую и доставили. Игумен справился по книгам, что и действительно было тогда <...>. Удивлялись такому чуду также и мы» (с. 184—185). В Синайском монастыре произошло и другое чудо: дворянская девица Анна Тимофеева, находившаяся среди паломников, с которыми приехал в обитель Анисим, делала из воска цветы на раку св. Екатерины. Она в запертой «маленькой келейке» топила воск «на самоварах» и угорела. Ее чудом спасли, когда запертая дверь кельи вдруг «сама отворилась». Анисим пишет, что, придя в себя, женщина доделала свою работу и добилась разрешения принять схиму (с. 188—189). Рассказывая о посещении монастыря Саввы Освященного, Анисим горько сетует, что не сподобился видеть самого главного чуда: «Есть в монастыре замечательный финик, а по-восточному — пальма, еще посаженный преподобным освященным Саввою. С тех времен <...> и доньне ежегодно приносить плод. На нем роятся финики чудодейственные: оне без костей. Оне неплодствующим молитвою преподобнаго Саввы, покушавши с верою после 40-дневного поста, зачинают плод и ражают чад. Нынешний год, ко удивлению, родились финики с костями» (с. 256). Поразило Анисима и само расположение монастыря Св. Саввы: «Сей монастырь устроен удевительно, как будто прелеплен к горе, как бывает прилепленное ластовичье гнездо: ограда с трех сторон, четвертая — над пропастью... смотреть вниз ужасно высоко, даже замирает сердце» (с. 255—256).

Подобно своим предшественникам, авторам «хождений», жиздринский купец пересказывает местные топонимические легенды, причем не только христианские. В Константинополе, когда паломники проезжали мимо Девичьей башни, им рассказали предание о дочери султана, которой была предсказана смерть от укуса змеи. Отец построил башню, окруженную со всех сторон морем, где попытался спрятать красавицу от гибели. Он присылал ей в башню не только необходимое, но и «всякие забавы», украшения и цветы. Однажды принесли корзину с розами и жасминами, в глубине которой оказался аспид, ужаливший девушку (с. 25—26). Разумеется, большинство пересказанных Анисимом Симоченковым легенд связано со Священной историей. Так, интересен пересказ жиздринского купца о крестном древе. Это древо было чудом, явленным раскаявшемуся Лоту. Авраам дал племяннику три головешки из своего костра, «которые были кедр, кипарис и /о/ливк», велел их посадить и поливать. Если они прорастут, значит Бог простил согрешившего. «Головни проросли одним деревом. Его спилили для строительства храма Соломонова, но оно оказалось слишком тяжелым и было скамьей долго. Из него и был сделан крест для распятия Христова» (с. 136). Географическую «конкретность» обретает для паломника и один из эпизодов Жития Георгия Победоносца: «Некоторые восходили смотреть развалины той башни, на которую восходил смотреть народ, как змий пожирал предоставляемую ему жертву. От этой башни саженой 200 — место, где стояла дочь царя, до которой дошла очередь быть жертвой змия. Несчастлив был выход для змия: св. великомученик Георгий победил побеждающего на том месте. Тогда уверовали во Христа 25 000, кроме жен и детей. В честь св. великомученика воздвигли храм, кругом онаго ограда поныне цело. Только, к сожалению, по силе магометан той храм обращен в мечеть» (с. 68—69).

Принадлежность автора к купечеству проявляется в том внимании, с которым он фиксирует все денежные затраты своего путешествия. «1-го в понедельник в полиции полицмейстеру подали прошение и свидетельство, и взяли с нас по рублю сер[ебром] <...> 2-го во вторник из губернаторской канцелярии получили паспорта с печатью... взяли с нас каждого по рублю серебром» (с. 14). «Я получил билеты для себя и своих товарищей. Заплотили за каждого человека по пяти рублей серебра — быть на палубе. Каждый пассажир имеет право иметь при себе клади до трех пуд безденежно, а естли будет более — то должен отдать денги по назначенной цене. 3-го класса в каюте — 7 руб; 2-го класса — 18 ру[б.]; 1-го класса — 28 руб. сер[ебром] с человека. Желающий ползоватися столом о сем должен объявить при получении билета» (с. 15). В Яффе у вице-консула Николая Степановича Мерабутти каждый оставил «не менее 3-х российских полуимпериалов и более, что записывается. Это делалось, если поломник все проживет в Иерусалиме, то его можно будет отправить в Россию на эти оставленные деньги!» (с. 74). По дороге в Иерусалим с каждого, как отмечается в тексте, брали «за пуд провозу по рашету 75 коп.» (л. 77). При описании Бейрута автор подчеркивает: «Множество фруктовых садов, дешевый белый хлеб, сыр, галеты, склады удобны — одним словом, увеселительное место!» (с. 67). Очень эмоционально и ярко поведал в своих воспоминаниях Анисим Симоченков о встрече с турецкими таможенниками, обычаи которых произвели на жиздринского жителя сильное впечатление: «Нас с вещами перевезли на берег, тогда же к нам приступили турки — таможенья осмотрщики, которые хотели в нас осмотреть. Но в нас тех вещей не было, за которые взять с нас пошлину. Въпротчем, переводчик советовал тем жадным негодяем дать бакчишь. На ето я был согласен, нежели допустить их поганями руками перебирать христианские вещи. Я выдал им за 4-х человек 12 пиастров (наших 50 копеек серебром). Они были тому рады и ни к чему не прикасались» (с. 16). Описывая торжище близ монастыря Св. Ильи в Вифлееме, автор отмечает «предприимчивость живущих в сих местах арабов. Арабы и арабки сидели и продавали перламудывая (так в ркп.— *И. Л.*) кресты, и образа, и четки хорошей работы» (с. 119—120).

Внимание Анисима Симоченкова привлекала обыденная жизнь людей, живущих в «достопримечательных сих местах» в его время. Улицы и дома, кафе и их посетители, вкусы и пристрастия жителей (греков, турок, египтян, палестинцев) в воспоминаниях Анисима занимают свое место. Пораженный видом улочек Константинополя, он пишет: «Постройки в Константинополи каменная двух, 3-х и 4-х-этажная из дикаго тесанаго камня. Много постройки деревянной. Становят столбы, между ими — тонкия стойки и переплетают дровом. Между етими наполняют глиною с мелким камнем. Таковыя дома строят до трех етажей. Переулки уския. В постройки их после перваго етажа второй етаж несколько выдвигается на улицу, так и третий. И против ево дом таковой же постройки. И верхния окна довольно сблизились, что можно из окна перелесть к другому. И немало я удивлялся таковым безобразным и своевольным зданиям. И от таковой стесненной постройки бывают частыя и значительныя пожары» (с. 41—42). Поразила Анисима жизнь восточных базаров. Базар в Константинополе — самый первый из увиденных во время долгого путешествия — озадачил купца дешевизной: «Цены на товары как на съестныя и протчай умеренною ценою продают; денги наши русския, серебро и золото, берут

со удовольствием и выгодным щетом. Наш рубль серебром принимают за 25 левов или пиастров <...> золото полуимпериалом — 125 левов <...>. Прием денег не постоянный: нынче принимают ценою, а на утрие — другою, дешевле или дороже» (с. 39). Но неприятно удивляли русского купца восточные базары организацией торговых рядов: «В торговых их рядах увидишь между лавок безобразную смесь. Например, лавка бакалейная — рядом с нею лавка мясная; лавка мускательная — рядом лавка с булками или свежеевощная. И между этими лавками есть магазины» (с. 40). Анисим Симоченков подмечал особенности торговли различных базаров. Так, в частности, о торге близ Каира жиздринский купец писал: «Базаров везде много <...>. На базаре молока не видал, а поутру рано хозяин, имевший 5-ть или 10 коз, отправляется к домам и, подходя, спрашивает, не угодно ли молока. Ему приказывают, сколько нужно надоить. Получа денги, отправляется дальше, и так, покуда выдает и распродает молоко, тогда отправляется с козами дальше на пастбище. Баранины, гуся, голубя, яиц — все это может достать во всякое время недорогою ценою. Плоды изобильны: персики, абрикосов, померанцов, лимонов, апельсин, фиников, инжиру, миндаля, гранат, изюму; произростении лук, тыква, свекла, огурцы, редка, капуста, хлеб, пшеница, называемая усачка, ячмень, чечевица, бобы, пшено, индиго. Растет сахарный тростник» (с. 153—154).

Кульминацией записок Анисима Симоченкова, безусловно, стало знакомство с храмом Воскресения Господня в Иерусалиме. Подобно авторам древнерусских «хождений», жиздринский купец пытался набросать и свое восприятие пространства храма, и описать самые сокровенные его святыни, и передать собственные ощущения от увиденного: «Прежде всего встречает поклонника продолговатая в рост человека мраморная плита, на которой по снятии с креста тела Иисусова было приготавливаемо ароматами и плащаницею на погребение. Пред етим камнем стоят огромныя со свечами подсвечники, коих числом 6, и висят в фонарях зажженыя маслом лампы <...>. Я стоял вне гроба и помышлял: „Како вниду, недостойный, «не имый одеяния брачнаго», тогда и мысленно пел: “Чертог твой вижду, Спасе мой, украшенный и одежды не имам, да вниду в он! Просвети одеяние души моея, светодавче, и спаси мя“» (с. 95—97). Автор смог передать, как волнение все более захлестывает его, он целиком сосредоточился на пережитых чувствах: «Потом, сотворя молитву Иисусову, с крестным знамением вступил в предел Ангела; здесь камень тот, который был привален к двери гроба (остаток его вделан в каменный небольшой столб), приложился к той святыни. Потом — в небольшую нискую дверь, наклоняясь, вхожу в погребальную пещеру Спасителя и поверг себя пред живоносным гробом Искупителя нашего Иисуса Христа и в нем страдавшему, приложился несколько раз к святыни. Я благодарил Господа за его ко мне милосердие, что он удостоил меня, недостойнаго, многогрешнаго нечистыми и скверными устами лобзать тридневное твое ложе <...>. Тогда-то мысль и сердце мое были свободными от житейских попечений» (с. 97—98). Далее описание нашего паломника стало более сдержанным и «пространственно ориентированным»: «Часовня гроба находится в западной бальной части храма на обширной площадке из дикой скалы, обложена мрамором. Из двух отделений гроб Божий находится во втором отделении при входе с правой стороны. Три стороны гроба не отделяются от скалы, передняя — отвесная. Наверху положена во весь рост мраморная доска, некогда была цельною, после распиlena

почти надвое христианами потому, когда мусульмане пожелали иметь такой богатый мрамор в своей мечети, но желание их было напрасным <...>. На севере в нескольких шагах от кувуклии место, где Спаситель по воскресении явился Марии Магдалины в виде виноградаря» (с. 99).

Наиболее подробны записи Анисима Симоченкова о последних неделях Великого поста: поездка в Назарет, Севастию (место заключения и казни Иоанна Крестителя), на гору Фаворскую, погружение в Иордан, посещение Лазаревой пещеры в Вифании. И кульминация — праздник Пасхи 23 марта 1858 г. — в храме Воскресения Господня.

Рассказ о пребывании на Святой земле пронизан воспоминаниями об увиденных святынях и благодарностью Богу за возможность узреть все это своими глазами: «Я ночевал в храме Воскресения Христова и удостоился быть на Голгофе и у гроба Христа Бога нашего. На Голгофе архимандрит Виссарион служил бдение, я читал кафизмы. И первый час после бдения я у гроба Божия предстоял и собирал слабаи свои силы возблагодарить Господа за его на мне милосердие, что удостоил меня посетить Синайскую обитель, и видеть место Неопалимыя Купины, и быть на горе, где Моисей принял от Господа Закон, и протчая досточюдная места в благополучии. Я был сохранен на мори и пути безбедно. Да и как не радоваться и не благодарить Господа? Где ныне предстою? Аз, грешный, предстою у гроба, где покоилось нетленное тело Искупителя нашего Иисуса Христа, из которого, яко из чертога, изыде, а вшедшии ужаснулись, вострепетали и пали, и были, яко мертвые» (с. 164—165).

Завершается текст «хождения» купца Анисима Симоченкова записью от 1-го апреля: «...приближалось время прощаться со святым градом Иерусалимом. В последний раз пошел поклониться Святыни — Гробу Господню и прочим местом. Благодарил Господа за его неизреченную ко мне милость, что удостоил меня, многогрешнаго, посетить досточудныя места и поклониться им. Но грустно было отходить от святых мест. Но надежда на Господа: сколько буду живым, должно быть все это в воспоминаниях» (с. 340—341).

Рукопись жиздринского купца не заканчивается описанием паломничества.

К своему «хождению» Анисим Симоченков присоединил выписку из путеводаителя, в котором рассказано о достопримечательностях «св. Афонской Горы» (л. 172—185).¹² Далее скопировано начало рассказа о святынях Иерусалима (л. 186—191 об.). Затем на писчей бумаге меньшего формата мелким почерком зафиксированы записи о храме Воскресения Господня (л. 192—194 об.).¹³ Потом — профессиональным писарским почерком — скопировано начало паломничества Симоченкова (от Жиздры до Иерусалима), помещенное на л. 195—225. С 226-го листа читаются послания Анисиму Симоченкову разных адресатов: иеродиакона (позже — иеромонаха) Белобережной пустыни Виталия (3 письма); письмо Андрона Бичева с просьбой освободить от рекрутского набора его зятя Анисима Латынова; от схимомонахов Михаила и Герасима с рассказом об их жизни на Афоне; от настоятеля Карачаевского Николаевского Од-

¹² Начиная с этого описания и далее нумерация была сделана хранителями согласно правилам нумерации рукописей — по номеру листа. В тексте статьи этот переход отражен.

¹³ Вероятно, это фрагмент дневниковых записей Симоченкова, которые были положены в основу его записок.

рина монастыря строителя Израиля (1860 г.) о согласии помочь советом в выборе духовника-старца. А далее — три письма (одно из них датировано 1868 г.) к «отцу-казначею Мценского монастыря Авраамию», в которых содержатся настоятельные увещания по-прежнему выполнять обязанности казначея, а не уходить в пустынь. Как они оказались среди писем, адресованных Симоченкову? В машинописном Описании собрания Тиханова РНБ высказано предположение, что Авраамий — иноческое имя Анисима Симоченкова. Соглашаясь с данной гипотезой, можем добавить для ее подтверждения следующее. Уже в письме Виталия мы читаем: «Радуюсь, что Вы и по сие время в своей склонности к безбрачной жизни неприменны <...> но прости меня, мой брат, я буду удивляться как странному делу, есть ли не увижу когда-либо Вас в соприсчислении к монашествующим» (с. 232—233). В письмах казначею монастыря Авраамию иеромонахов Саввы и Амвросия противопоставляются «братской необходимости в его трудах» стремление адресата «уйти от суеты и соблазнов». Данное словосочетание довольно часто встречаем в той части рукописи, которая содержит рассказ о паломничестве Анисима Симоченкова. Потому наиболее вероятным представляется вывод, что жиздринский купец в начале 1860-х гг. принял монашество, а к 1865 г. стал тем самым незаменимым «отцом-казначеем» Авраамием Мценского Петропавловского монастыря.¹⁴

Таким образом, скорее всего, «хождение» в Святую землю Анисима Симоченкова завершилось принятием им монашества. Его желание сохранить в памяти все подробности паломничества в Святую землю, ощущение постоянной связи с проделанным странствием своей настоящей жизни объясняет сложный состав сборника. Размышляя о власти воспоминаний в человеческой жизни, автор делает глубокий философский вывод: «Когда кончится для нас удовольствие, прекратится радость, престанет наслаждение, исчезнет шастие, — мы можем несколько возвращать эту драгоценную потерю чрез воспоминание о былом» (с. 228).

Жанр хождения, безусловно, призван хранить память о Святой земле в сердце каждого верующего, позволяя ему пережить события библейской истории как близкие. Имея свой набор топосов (выборки цитат из Священного Писания, число святынь, рассказ о путях к ним, эмоциональность стиля, авторские рассуждения о своей греховности, повторяющаяся благодарность Богу за счастье увидеть все собственными глазами, обмеры памятников, включение легенд и местных преданий и др.), каждый памятник в жанре хождения оказывается в значительной степени обусловлен масштабом личности автора и степенью его литературной одаренности. Рассказ жиздринского купца Анисима Симоченкова о его паломничестве, предпринятом в XIX в., такой бесхитростный и многословный, непосредственный и ученически «старательный», эмоциональный и по-купечески обстоятельный, опирался на те же традиции, что и «хождения» древнерусских авторов.

¹⁴ Монастырь был основан в XVI в. на берегу реки Зуши, в 1694 г. был переведен ниже по течению. В 1820-х гг. был объединен с Орловским Успенским монастырем, тогда были построены каменный собор с престолами в честь Введения Богородицы во храм, апостолов Петра и Павла и Ильи-пророка и трехъярусная колокольня. В соборе хранился чудотворный список Курского Знамения Богоматери. В 1860-х гг. в монастыре было около 50 инок.